

Люди и нравы за полвѣка ¹⁾.

Дмитрій приказываетъ послать посольство къ осужденному Шуйскому и сообщить ему, что царь его прощаетъ, возвращаетъ ему все и зоветъ опять къ себѣ.

Всѣ разошлись,

— Вотъ, Басмановъ, случай, когда изъ врага можно сдѣлать преданнаго друга!

Шуйскій уменъ; онъ нуженъ здѣсь, а не въ ссылкѣ“.

Но и Басмановъ уменъ. Басмановъ ни на волосъ не вѣритъ Шуйскому.

— Молодъ и великодушенъ царь—говоритъ онъ. Играетъ онъ и своею и нашими головами.

Потрясающее впечатлѣніе производила тогда эта сцена; не знаю, какъ теперь...

И вотъ, Шуйскій въ ссылкѣ...

Впрочемъ, довольно. Подробный разборъ пьесы и игры не входятъ въ мою задачу и завлекъ бы меня слишкомъ далеко. Но не могу не сказать нѣсколько словъ объ общемъ впечатлѣніи, которое производила постановка этой пьесы.

Въ массѣ картинъ ея есть очень много такихъ, гдѣ дѣйствуетъ толпа, народъ. Такъ, напримѣръ, сцена царскаго выхода изъ дворца въ соборъ; засѣданіе боярской думы; сходка съ разныхъ концовъ родины приверженцевъ В. Шуйскаго, уже сосланнаго Самозванцемъ въ ссылку; отношеніе народа къ польскимъ и нѣмецкимъ войскамъ въ сценѣ, гдѣ жильцы и торговцы задумали разбить домъ, въ которомъ стояли жолнеры, и куда утащили они русскую дѣвушку на глазахъ всего народа; наконецъ, сцена возстанія въ ночь на 17 мая, когда на-

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1913 г.

родъ покончилъ съ первымъ самозванцемъ. Всѣ эти массовыя движенія шли удивительно стройно; обдуманная работа режиссера была видна въ каждомъ шагѣ артистовъ.

Отъ того, разумѣется, и впечатлѣнїе получалось отчетливое, глубокое, неизгладимое...

Отличительная черта таланта автора—умѣнье не утомлять зрителя однообразіемъ—проявилась здѣсь во всей силѣ. Захватывающія своимъ драматизмомъ сцены, какъ въ калейдоскопѣ, смѣняются сценами, блестящими неподдѣльнымъ комизмомъ: лукавый Шуйскій ведетъ сцену съ калачникомъ Федоромъ, чисто народныя выраженія котораго отдають несомнѣннымъ комизмомъ; гармонія чиннаго бала во дворцѣ Самозванца нарушается вводомъ Иванушки-дурачка; даже судъ надъ Шуйскимъ не обходится безъ острыхъ словъ то дьяка Щелкалова, то самого Шуйскаго.

Недурно было бы этою манерою письма А. Н. Островскаго воспользоваться нашимъ современнымъ писателямъ. А то у насъ если начнутъ ныть, такъ ноютъ отъ Камы многоводной до широкаго Днѣпра; начнутъ смѣшить—до тошноты.

Чувства-то мѣры и не достаетъ.

XII.

19 ноября 1867 года умеръ митрополитъ московскій, знаменитый іерархъ Филаретъ Дроздовъ; угасъ великій свѣтильникъ, столпъ православія. Взоры европейскіхъ умовъ во многихъ и многихъ случаяхъ съ глубокимъ почтеніемъ обращались къ этому маленькому, сѣденькому, худенькому старичку.

Девятый десятокъ уже доходилъ преосвященному, но глаза его блестяли, какъ у юноши. Природа брала свое: угасало постепенно брренное тѣло, земное стремилось къ землѣ, но духъ не переставалъ крѣпчать, умъ развиваться. Многіе въ немъ видѣли генія. Когда вы примете во вниманіе, что это питомецъ знаменитой греко-россійской академіи 18 вѣка (что нынѣ Заиконоспасское духовное училище), а въ концѣ концовъ профессоръ и ректоръ академіи настоящей, то вамъ ничего не остается дѣлать, какъ признать геній Филарета. Человѣкъ, получившій чуточное по нынѣшнему времени образованіе, изучавшій науки, находившійся еще въ младенчествѣ и затѣмъ самъ, своими силами, раздвинувшій научные горизонты—это, дѣйствительно, подъ силу только генію.

И вотъ геній оставилъ свою брнную оболочку и отлетѣлъ.

Въ простомъ дубовомъ гробу лежитъ эта оболочка. Народъ толпами спѣшитъ на Троицкое подворье отдать послѣднее цѣлованіе своему архипастырю и зреть витію—безгласнымъ и бездыханнымъ... Закрылись пронизывавшіе васъ насквозь глаза, а лицо все то же: худенькое, капельное, гладко обтянутое желтоватой кожей. Поглядѣть на него и невольно подумаешь: онъ спитъ, а не умеръ.

Въ день перенесенія его праха въ Чудовъ монастырь народъ сплошной стѣной установился на троттуарахъ по всему пути шествія. А путь былъ очень не маленькій: подворье въ переулкѣ около Самотеки; отъ Самотеки процессія повернула по Садовой плоть до пересѣченія ея съ Тверской и въ Кремль...

И вездѣ народъ, снимавшій шапки и благоговѣнно крестившійся, высказывая въ слухъ пожеланіе вѣчной памяти усопшему святителю.

Про особую торжественность перенесенія праха, отпѣванія и похоронъ говорить не стану, такъ какъ воплиъ этого не расскажешь, а такъ, кое-что, не можетъ имѣть значенія; а вотъ нѣчто изъ жизни владыки поразкажу.

Предупреждаю: за что купилъ, за то и продаю. Гдѣ правда, гдѣ анекдотъ, предоставляю судить всѣмъ и каждому.

Строгъ былъ митрополитъ Филаретъ, даже очень строгъ. Духовенство трепетало при одномъ воспоминаніи о его маленькихъ, но ежевыхъ рукавицахъ. Говорили, что онъ не прочь былъ воспользоваться свѣдѣніями, доставленными ему и разными анонимами.

Дошелъ до него слухъ объ одномъ сельскомъ попикѣ, который, угощая своихъ гостей водочкой, говорилъ такъ:

— Ну-ка, братія, хватимъ! Зѣло хорошо и благовременно! Забористая, настоящая дроздовка!

А фамилія Филарета была Дроздовъ ¹⁾.

Конечно, собесѣдники очень хохотали; пошли передавать и дальше; нашлись такіе, которые донесли объ этомъ преосвященному.

И вдругъ въ своей медвѣжьей берлогѣ получаетъ попикъ изъ консисторіи бумажку, въ коей предписывается ему явиться въ такой-то день и часъ къ митрополиту на подворье.

Разумѣется, удивленію бати и трепету его не было предѣловъ. Приходилось объясняться не съ кѣмъ другимъ, а съ Филаретомъ!

¹⁾ Версія этого разсказа уже была воспроизведена въ „Русской Старинѣ“.

Да еще еслибъ знать о чемъ,—можно бы было подготовиться,—а тутъ—одна тьма!

Является на подворье въ назначенный день и часъ. Служка пошелъ доложить.

Возвращается и говорить:

— Пожалуйте въ приемную; владыко сейчасъ выйдутъ къ вамъ.

Проводилъ его въ приемную, усадилъ на стулъ, а самъ нырнулъ въ другую дверь. Глядь, возвращается съ подносомъ, на которомъ стоитъ стаканъ чаю, ваза съ вареньемъ, корзинка съ бѣлымъ хлѣбомъ домашняго печенья... и ставитъ все на столѣ около бати.

Диву дается бѣднякъ! Глазамъ не вѣрить: не въ гости же пригласилъ его къ себѣ владыко?

А вотъ отворяется тихохонько и другая дверь; выходитъ изъ нея маленькій старичекъ въ подрясникъ, на головѣ черная скуфеечка, и тихо направляется къ нему, устремивъ на него свои маленькіе, блестящіе, пронзительные глаза...

По обычаю того времени батя бухъ! прямо въ ноги... Всталъ, подошелъ принять благословеніе.

— Ты... Всѣхсвятскій? гнутятъ маленькая фигурка.

— Всѣхсвятскій, преосвященнѣйшій владыко, заикаясь, отвѣчаетъ гость.

— А!.. Это хорошо; садись, гость будешь!

Удивленію нѣтъ конца: Филаретъ сажаетъ его, заскорузлаго попа, въ своемъ присутствіи, когда рѣдкіе изъ заслуженныхъ столичныхъ протоіереевъ не смѣли объ этомъ и подумать.

— Садись... садись... Вотъ и чай тебѣ принесли... Дай-ка и мнѣ чашечку...

Служка побѣжалъ и принесъ владыкѣ чаю.

Усѣлись: поникъ съ одной стороны стола, Филаретъ съ другой.

— Ну... что жъ... пей чай-то... съ булками—варенья клади...

Тотъ дрожащими руками придвигаетъ къ себѣ чашку... кладетъ варенье, а самъ во всѣ глаза смотритъ на маленькаго монаха, въ рукахъ котораго были и милость, и казнь.

Сдѣлалъ глотокъ—другой... третій...

— Фу-ты, Господи! отродясь не пилъ чай въ присутствіи такой высокой особы.

— Ты... когда... поймашь... блоху... Что ты съ ней дѣлаешь? съ разстановкой, не глядя на гостя, спрашиваетъ высокая особа.

— Я?!

— Ну, да, ты...

— Я... покатаю ее... въ пальцахъ... говоритъ батя, вставая.

— Такъ... такъ... Покатаешь! Да... ну, а потомъ?

— ?

Молчаніе... Переминается батя съ ноги на ногу... Дѣлаетъ какія-то неопредѣленныя движенія рукой.

— Ну, что жъ потомъ-то... Когда покатаешь?

— Потомъ... подъ ноготь...

— Ишь ты какой жестокосердный! Подъ ноготь!.. А я такъ вотъ ее чаемъ пою... да еще съ вареньемъ... съ булкой... Ну, ступай съ Богомъ домой! Помни „дроздовку“... да держи языкъ за зубами... Не маленькій вѣдь! Санъ носишь!..

Тутъ только понялъ бѣдняга въ чемъ дѣло...

* * *

Во всей Москвѣ одно только лицо изъ духовенства не боялось грознаго владыки и частенько отвѣчало ему довольно рѣзко. Это былъ его любимый протодьяконъ Успенскаго собора Александръ Антоновичъ (фамилію его забылъ). Вся Москва звала его Антонычемъ.

Интересно было смотрѣть на совмѣстную службу митрополита и его протодьякона.

Маленькій, сѣденькій старичекъ сидитъ, а бѣлый, какъ лунь, высоченный, съ необъятною грудью и спиной протодьяконъ стоитъ около него.

Еле-еле слышится голосъ изможденнаго митрополита...

Могучій басъ Антоныча бархатомъ разстилается по громадному храму и слышится въ самомъ отдаленномъ углу. Это была мощь необычайная.

Разсказывали про него такой анекдотъ.

Возвращается Антонычъ изъ Москворѣчья домой поздно ночью съ богатыхъ именинъ, или со свадьбы. Идетъ не торопясь. Дорога лежитъ чрезъ покрытую глубокимъ снѣгомъ Москву-рѣку, на которой мѣстами были полыньи для полосканья бѣлья.

Жарко старичку... Распахнулъ онъ рѣдкостную свою норковую шубу, подарокъ какого-то его замоскворѣцкаго поклонника-богача, и шагаетъ себѣ не торопясь по рѣкѣ.

Предлагали лошадь, да не поѣхалъ... Надо пройтись.. Подышать чистымъ воздухомъ...

Вдругъ два оборванца нападаютъ на него...

Позарились на его шубу и напали...

Да не тутъ-то было: захватилъ Антонычъ одного изъ нихъ за волосы, да въ прорубь...

Окунаетъ да поетъ:

„Во Иорданѣ крещающуся тебѣ“... и т. д.

Могучій басъ въ тиши зимней ночи разносится на громадное пространство.

Со всѣхъ сторонъ бѣгутъ хожалые (въ то время) и сторожа. Онъ передаетъ имъ бѣднягу съ рукъ на руки, а самъ потихоньку пошелъ домой...

— А отъ тебя, Антонычъ, опять разить винищемъ... И когда ты уймешься? Хоть бы себя-то пожалѣлъ!.. качая укоризненно головой, говоритъ ему Филаретъ.

— А вы, владыко, не нюхайте... Дѣло-то это не архипастырское...

— Ну, и дуракъ! тебѣ же добра желаю...

И разойдутся по-хорошему.

Родина Филарета, какъ извѣстно, Коломна. Есть тамъ и по сіе время считающіе себя его родственниками въ двадцать седьмомъ колѣнѣ, а тогда-то филаретовщина царила тамъ во всю.

Слабъ вообще человѣкъ, была слабость и у старца митрополита. Грѣшный человѣкъ, мирволилъ кое-когда и кое-въ чемъ своей роденькѣ.

Въ приходѣ былъ извѣстный въ то время попъ Ѳедька. Женатъ онъ былъ на племянницѣ Филарета.

Что продѣлывалъ Ѳедька въ Коломнѣ, такъ это ума помраченіе! Все это зналъ митрополитъ, часто вызывалъ его къ себѣ, читалъ нотации, нѣсколько разъ посылалъ его въ монастырь на послушаніе, гдѣ Ѳедоръ пилъ еще больше; нѣтъ—ничего не дѣйствуетъ на него: пьянствуетъ, скандалиничаетъ до срамоты.

Лопнуло терпѣніе владыки; вызываетъ его къ себѣ, разноситъ на всѣ корки.

— Я тебя, пьяницу, сана лишу... въ солдаты отдамъ! заканчиваетъ съ нимъ бесѣду Филаретъ.

— Ну, что-жъ... отдавай! твоя племянница солдаткой будетъ!..

— Тьфу! убирайся вонъ!

Въ концѣ концовъ Ѳедоръ былъ отрѣшенъ отъ должности и долгое время шлялся по Коломнѣ, частенько заходя въ гости къ священнику, поставленному на его мѣсто.

Много я слышалъ отъ этого именно священника рассказовъ о походеѣхъ Ѳедора; такъ много, что теперь я боюсь пере-

путать ихъ, а потому и не заносу въ свои записки. А жаль! это все-таки черточки даннаго времени, изъ которыхъ могла бы получиться картинка въ общемъ не безынтересная.

XIII.

Наступилъ 1868 годъ. Увлеченіе мое театромъ шло все дальше, да больше. Онъ страшно захватилъ меня всего, а на дѣло я махнулъ рукой. Подошли экзамены, которые я еле-еле сдалъ на тройки, кромѣ математики, которая всегда у меня шла хорошо. Да и тройки-то были сомнительныя. Думаю, что выдали мнѣ аттестатъ благодаря моимъ успѣхамъ прошлаго года.

Оставалось ждать назначенія на должность. Что ее дадутъ— это было для меня несомнѣнно—я стипендіатъ, а гдѣ именно— это былъ большой вопросъ.

Наконецъ, дождался: назначили въ маленькій уѣздный городишко, Донецъ, на 11 р. 87 коп. жалованья въ мѣсяцъ.

(Считаю тутъ нужнымъ оговориться: названіе городовъ и собственныя имена лицъ я измѣню, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, за исключеніемъ, разумѣется, лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. Дѣлаю это для того, чтобы имѣть возможность стоять поближе къ правдѣ).

Но я не испугался этой мизерной цифры: послѣобѣденныя рублевки моего учителя Дмитрія Ивановича стояли у меня на счету и я безъ страха и сомнѣнья глядѣлъ въ будущее.

Мать собрала меня въ путь: нашла бѣлья, купила новую пиджачную пару, поисправила прочую одежонку, и вотъ въ концѣ сентября 1868 года поѣхали мы съ нею на вокзалъ. Бѣдная моя мама плакала всю дорогу. Досадно было мнѣ смотрѣть на ея слезы: я съ кокардой, а она плачетъ!

Вся Москва смотрѣла на меня, а она нюни распустила. Срамота! Точно въ солдаты меня отдають!

Но вотъ и вокзалъ. Беру билетъ 3-го класса до губернскаго города, а тамъ еще 80 верстъ на лошадахъ скакать.

Сильно билось мое молодое сердчишко въ груди, но въ хлопотахъ я мало обращалъ на это вниманія. Я бѣгалъ по вагонамъ, ища себѣ мѣста. Наконецъ, нашелъ, удобно размѣстился съ своимъ небольшимъ багажемъ и сталъ у окна въ ожиданіи отхода поѣзда.

Мама стояла противъ вагона и издали крестила меня. Она крѣпилась... не плакала. Чего это ей стоило — одному только

Богу извѣстно! А я и вовсе, вовсе чувствовалъ себя молодцомъ.

Но вотъ послѣдній звонокъ... Свистокъ кондуктора... Машинистъ отвѣтилъ свисткомъ... Второй свистокъ... и поѣздъ тронулся...

Я опустилъ стекло и долго, долго смотрѣлъ на мать, давшую полную волю своимъ слезамъ.

Тутъ ужъ и я не выдержалъ и горько, горько заплакалъ...
Немудрено, читатель!

До сего времени я не зналъ другого города, кромѣ Москвы. Былъ (въ дѣтствѣ еще) въ Троицкомъ посадѣ и только. Я бы не зналъ, что такое деревня, село, если бы не ходилъ одинъ разъ съ отцомъ на богомолье въ Косино, въ верстахъ восьми отъ Москвы.

И вдругъ... ѣду...

Прощай, Москва! Я промѣнялъ тебя, родную старушку, на какой-то городишко съ полторатысячью жителей!..

Вся жизнь моя короткая пробѣжала въ моемъ умѣ во время дороги. Все прошлое было такъ свѣтло, такъ понятно для меня; а въ будущемъ—тьма, неизвѣстность... И въ этой тьмѣ и неизвѣстности придется мнѣ, юному и неопытному, барахтаться, жить, да еще, пожалуй, бороться!..

Самоувѣренность моя куда-то пропала... и „въ душѣ невольное сомнѣнье“ появилось вмѣсто нея.

Но... все Богъ!.. Во всемъ Его святая воля!

Чѣмъ дальше отходилъ отъ Москвы поѣздъ, тѣмъ становилось мнѣ легче. Новыя дорожныя впечатлѣнія вытѣсняли понемногу все старое; новая обстановка начинала меня интересовать; я съ особеннымъ любопытствомъ выходилъ на станціяхъ и присматривался къ людямъ, къ мѣстамъ, къ постройкамъ—къ жизни.

Я какъ-то старался не думать ни о прошедшемъ, ни о будущемъ; я жилъ только данною минутой.

Соскучился—сейчасъ въ дорожную корзинку: достанешь бѣловской колбаски, домашній пирожокъ съ говядиной, поѣшь, а глядь, часикъ—другой и прошелъ. Значитъ, ближе къ цѣли...

Семь часовъ ѣзды, и мы подкатили къ большому губернскому городу. Это теперь моя губернія. Я провинціалъ.

Вышелъ изъ вагона, повытаскалъ свои вещи и... не знаю, куда мнѣ сунуться. Московская бойкость моя, увы, куда-то исчезла... Вышелъ изъ вокзала, робко подошелъ къ извозчику (выбралъ такого, у котораго лицо мнѣ показалось подобрѣе) и

разговорился съ нимъ; объяснилъ, куда я ѣду, что мнѣ нужно, и просилъ похлопотать обо всемъ и меня устроить.

И вотъ онъ повезъ меня на постоянный дворъ, гдѣ можно найти попутчиковъ. Спасибо ему: не выбраться бы мнѣ, безпомощному юнцу, изъ моего положенія, если бы не онъ.

На постояломъ дворѣ было много народу: ямщики, шнырявшіе всюду, искали работы, подбирали попутчиковъ; въ большой избѣ путешественники, кто пилъ чай въ ожиданіи лошадей, кто разбирался въ своихъ вещахъ, кто жевалъ сухую закуску. Изъ нижняго этажа несся людской гомонъ: то извозчики и постояльцы попроще сядились за обѣдъ. Вкусный запахъ щей понесся по всему дому и раздражалъ обоняніе и аппетитъ...

Входитъ мой извозчикъ. Какъ родному брату я обрадовался ему.

— Вы, купецъ, куда ѣдете? спрашиваетъ онъ человекъ съ густой шевелюрой на головѣ, длинной бородой, въ жилеткѣ, поверхъ выпущенной розовой ситцевой рубашки, въ сапогахъ бутылками и при часахъ.

— А тебѣ что за дѣло? ты что за спросъ? отвѣчаетъ тотъ, держа на своей толстой пятернѣ блюдечко съ чаемъ.

— Да... значить... мнѣ надо барчука устроить. Коли-бъ вмѣстѣ, вотъ и хорошо...

Обернулся ко мнѣ купецъ и спрашиваетъ:

— А вамъ куда?

— Въ Донецъ...

— Ну, вотъ и ладно. А ты ступай съ Богомъ! обойдемся и безъ тебя! говоритъ онъ моему покровителю.

Какіе все добрые! Всѣ-то меня жалѣютъ... всѣ заботятся обо мнѣ... Хорошіе всѣ!..

— Ну, прощай, баринъ... Добрый путь! Купецъ тебя не обидитъ...

Я вскочилъ, вынулъ изъ кармана гривенникъ и далъ ему.

— Прощай! Спасибо тебѣ.

Извозчикъ вышелъ.

— Вы что же, къ сродственникамъ, что ли, ѣдете въ Донецъ?

— Нѣтъ, я на службу.

— На службу... у... у?... удивленно протянулъ онъ, зорко вглядываясь въ меня съ какимъ-то недоумѣніемъ.

— Да, на службу.

— Вы къмъ же это, значить, будете?

— Я назначенъ учителемъ въ приходское училище.

— Да-н-ну?!

— Право такъ. Это вѣрно. Я не стану васъ обманывать.

— Хмъ! малецъ—и учитель! Чудно.

Хоть и недовѣрчиво отнесся ко мнѣ этотъ крупный, сильный человекъ, но онъ былъ мнѣ симпатиченъ. Я почему-то вѣрилъ въ него, надѣялся.

Стали собираться въ горницу извозчики и предлагали свои услуги. Купецъ только чаекъ попиваетъ, да молча ухмыляется.

„Что, думаю, онъ дѣлаетъ? вѣдь этакъ всѣхъ извозчиковъ разберутъ и ѣхать будетъ не съ кѣмъ.

Посмотримъ, что будетъ дальше“.

Наконецъ, онъ отпилъ свой чай; крѣпко вытеръ полотенцемъ вспотѣвшее лицо и толстую, красную шею и сталъ понемногу укладывать свой харчъ.

А извозчики все ходятъ и ходятъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше набиваются.

— Да что жъ, ваше степенство, говоритъ одинъ изъ нихъ: ѣхать, такъ ѣхать. Прикажите, духомъ домчимъ...

— Я бы и поѣхалъ, да вотъ баринъ товарища ждетъ.

Я обертываюсь и ищу глазами барина, который ждетъ товарища.

Никого нѣтъ. Я глаза на него вытаращилъ.

Оказывается, это онъ ямщиковъ за носъ водилъ. Товарищъ, разумѣется, не приходилъ, такъ какъ никакого товарища у меня не было. А онъ раззадоривалъ ямщиковъ вопросами: Сколько тѣ возьмутъ за троихъ, и сколько за двоихъ, да кто дешевле... Аукціонъ!

Вотъ ужъ вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все дуракомъ умрешь.

Наконецъ, сторговались, за сколько, ужъ теперь не помню.

Подали тарантасъ, въ который впряжена тройка сытыхъ лошадокъ. Весело погромыхиваютъ бубенцы; колокольчикъ привязанъ къ дугѣ. Ямщикъ похаживаетъ около тарантаса и осматриваетъ его. Все это было для меня ново и интересовало меня.

— Ну, баринъ, одѣвайся! говоритъ мнѣ попутчикъ.

Я надѣлъ на себя ватное пальто съ бобровымъ воротникомъ.

— Это ты такъ-то поѣдешь?

— Да. А что.

— Да. Чудакъ человекъ! Ты что ли это по Невскому что ли собрался гулять? Вѣдь 80 верстъ ѣхать, сыро, въ полѣ вѣтеръ... Смотри, какъ пробереть!

— Да у меня больше ничего нѣтъ теплаго.

— Ну, чудакъ ты! Ай въ первый разъ ѣдешь?

— Въ первый.

— То-то я вижу... Ну, да ладно, въ случаѣ чего у меня еще овчинный тулупъ есть, имъ и прикроемся.

Дѣйствительно, сентябрь подходилъ къ концу, хоть солнце пекло еще хорошо, а ужъ ночи были свѣжеваты, и большое спасибо я говорилъ моему попутчику за его овчинный тулупъ, подъ которымъ въ дорогѣ я чувствовалъ себя, какъ въ раю.

Наконецъ, размѣстивъ свои вещи, мы кое-какъ усѣлись въ тарантасъ, усѣлись полулежа. Тутъ я невольно подумалъ: Слава Богу, что ѣдемъ вдвоемъ: и одинъ-то онъ прищемилъ меня къ боку рогожного верха ямской телѣжки, а ужъ втроемъ-то вовсе бы была смерть: духъ выдавили бы изъ меня.

— Ну, Господи благослови! Трогай—бѣлоногий! распоряжался купчина, снимая фуражку и истово крестясь. Послѣдовалъ и я этому примѣру.

Выѣхавъ за заставу, ямщикъ остановился отвязать колокольчикъ, такъ какъ городомъ ѣзда съ колокольчикомъ воспрещалась.

На разстояніи 80 верстъ, которыя намъ предстояло проѣхать, мы останавливались, вотъ ужъ теперь не помню,—одинъ, или два раза. Кажется, что одинъ. Само собою разумѣется, я очень обрадовался этой остановкѣ. Обрадовался не только потому, что захотѣлось и чайку попить, и закусить хоть немножко, да и поразмяться, ноги вѣдь отекали, но больше-то потому, что попутчикъ мой, заснувъ въ тарантасѣ чуть ли не на пятой верстѣ по выѣздѣ, безпробудно спалъ всю дорогу; тарантасъ на колдобинахъ дороги качало изъ стороны въ сторону: въ какую сторону качнетъ тарантасъ, туда валится и грузное тѣло сосѣда. Бывали моменты, когда мнѣ приходилось тяжело жить на свѣтѣ, но, что жъ дѣлать, терпѣлъ.

Хотя проѣхать нужно было всего 80 верстъ, но ѣхали мы долго. И лошади попались хорошія, и дорога еще не успѣла испортиться, а продолжительное чаепитіе во время остановокъ, смѣна лошадей, опять торжественное усаживанье въ тарантасъ, отняли у насъ много времени, и я только подъ утро слѣдующаго дня на далекомъ горизонтѣ увидѣлъ городокъ.

Это и былъ Донецъ. Разглядѣть его хорошенько, какъ ни старались мои молодые глаза, издали было очень трудно, тѣмъ болѣе, что городъ стоитъ на довольно высокомъ открытомъ

мѣстѣ, казалось близко, но на самомъ дѣлѣ онъ еще очень далеко отъ насъ, въ верстахъ пятнадцати.

Разспрашивать о немъ моего спутника было нельзя; онъ спалъ самымъ завиднымъ образомъ, тогда какъ я всю дорогу не смыкалъ глазъ, все чего-то ждалъ.

— Это Донецъ? тихо спрашиваю у ямщика.

— Онъ самый.

Вотъ и рѣка, протекающая подъ самымъ городомъ. Мы проѣхали животрепещущій мостъ и стали подыматься на довольно крутую гору. Сейчасъ же отъ моста пошла городская улица, по обѣ стороны ея расположилось два ряда домиковъ, не домовъ, а именно домиковъ: одноэтажныхъ, въ три, или самое большое въ пять оконъ; одни изъ нихъ крыты дранью, другіе тесомъ; попадались на задворкахъ и соломенные крыши.

Вотъ куда я попалъ послѣ столицы-то...

Купчина мой, какъ по заказу, проснулся въ деревушкѣ, служившей предмѣстьемъ города; проснулся и сталъ приводить себя въ порядокъ: стряхнулъ съ огромнаго своего картуза сѣно и соръ; обычнымъ жестомъ пятерни удивительно ловко освободилъ свой носъ отъ излишней жидкости, поправляя свою шевелюру, онъ въ то же время успѣлъ и вытереть пальцы о собственные волосы, надвинулъ на лобъ картузъ и сталъ глазами пересчитывать весь свой багажъ.

Взобравшись на вершину горы, глазамъ моимъ прежде всего представился пустырь, а за нимъ главная улица, на углахъ которой, фасадомъ на пустырь, стояли два большіе каменные дома, двухъэтажные; изъ нихъ въ одномъ помѣщался мѣстный кладезъ мудрости—Донецкій университетъ, состоящій изъ уѣзднаго и приходскаго училищъ, а въ другомъ—полицейское управленіе.

— Ну, ты знаешь куда? спрашиваетъ ямщика мой попутчикъ.

— Ну, во! Знамо, знаю... Извѣстно куда... Кого, кого, а ужъ тебя-то не знать?!

Остановились мы около большого каменнаго неоштукатуреннаго дома, весь верхній этажъ котораго занималъ его владѣлецъ, а въ нижнемъ своего рода „Мюръ и Мерилизъ“. Въ его магазинѣ имѣлся крайне разнообразный товаръ: и чай, и сахаръ, и закуски, и вино, и конфекты, и деготь, и шлен, и хомуты, и валенки, и сапоги...

А вывѣска гласила: „Колоніальный магазинъ Артемова“.

Вылѣзъ онъ изъ тарантаса; приказчики бросились вытаскивать его вещи. Сейчасъ было видно, что пріѣхалъ „самъ“.

— Ну, ты куды барина-то повезешь? отдавая половину условленной платы съ прибавкою на чай мѣднаго пятака.

— Да куды? Извѣстно, ко Степанычу; куды же больше-то? снимая шапку, отвѣтилъ извозчикъ.

— Ну, что-жь... Хорошо... Да скажи отъ меня Степанычу, чтобы онъ не обижалъ моего барина-то... Чтобы успокоилъ его..

— Ладно... сважу.

Распрощались мы съ моимъ попутчикомъ, онъ былъ мнѣ очень симпатиченъ за его заботу обо мнѣ, я ему былъ весьма благодаренъ: ужъ очень я себя чувствовалъ-то сиротливо...

Двинулись мы дальше; проѣхали сажень 15—20 и остано- вились на той же улицѣ, но только на противоположной сторонѣ, тоже около каменнаго дома и тоже неоштукатуреннаго. Впрочемъ, не для чего этого повторять; въ городѣ каменныхъ домовъ было не больше десятка, а оштукатуренно и всего-то три: училище, острогъ, да домъ богатаго купца на Соборной площади, а все остальное оставалось ближе къ природѣ.

XIV.

Хозяинъ встрѣтилъ меня съ низкими поклонами. Это былъ сѣдой, высокій благообразный старикъ. Простота, сердечность, радушіе застыли на его лицѣ.

И это не была маска.

Ахъ, какіе все хорошіе люди! Господи, какіе хорошіе!

Весь мой несложный багажъ бережно втащили въ горницу верхняго этажа; появились двѣ женщины—старая и молодая, которыя принялись убирать бѣлый деревянный столъ, накрыли его чистою красною скатертью, старуха устанавливала чайную посуду, а молодуха побѣжала за самоваромъ.

Не успѣлъ я, какъ слѣдуетъ, раздѣться, какъ входная дверь опять отворилась, и здоровенная молодая краснощекая баба— работница, съ подоткнутымъ за поясъ подоломъ сарафана, внесла почти ведерный самоваръ, давно-давно нечищенный, и поставила его на столъ. Хозяина я попросилъ заварить чаю, а самъ пошелъ умыться. Меня вывели на галерею, выходящую на несовсѣмъ опрятный дворъ, и указали на висѣвшій большущій глиняный умывальникъ.

Совершивъ омовеніе, освѣжившись послѣ утомительнаго пути, въ первый разъ въ моей жизни совершеннаго, послѣ бессонной ночи, я съ удовольствіемъ усѣлся за столъ и пригласилъ хозяина раздѣлить со мною компанію. Онъ присѣлъ

и сталъ хозяйничать: ополоснулъ чашки, вытеръ ихъ чистымъ полотенцемъ, налилъ чаю, и стали мы его попивать.

Бесѣда наша не была особенно любопытна, да и не могла она быть такою, общаго-то ничего не было у насъ: онъ—старикъ, я—молодой; онъ изъ Донца отъ роду никуда не выѣзжалъ, а я только-что туда пріѣхалъ; ни общихъ знакомыхъ, ни общихъ интересовъ, ни общихъ задачъ и цѣлей—ничего! Такъ о чемъ же было говорить?

Даже спросить о дорогѣ въ училище и того не требовалось; я ѣхалъ мимо него.

Переодѣлся я въ свою новую пару и отправился къ начальству представляться.

Штатный смотритель Николай Ивановичъ Коссаговскій произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе: молодой, представительный брюнетъ, нѣсколько рыхлая сыроватая фигура котораго имѣла видъ несовсѣмъ здороваго человѣка. Онъ былъ женатъ на дочери небогатаго подгородней помѣщицы-вдовы и жилъ очень порядочно, очевидно не на одно свое жалованье, хотя, какъ увидить читатель изъ послѣдующаго, жизнь въ Донцѣ была страшно дешева. Теперь подобная дешевка невыслима и должна отойти въ область тѣхъ пріятныхъ воспоминаній, которымъ едва-ли суждено когда-нибудь повториться.

Коссаговскій обошелся со мною очень мило, внимательно, просто и любезно, распросилъ меня обо всемъ и очень подробно: откуда и когда пріѣхалъ, есть ли родители, гдѣ остановился, нашелъ ли себѣ квартиру и т. п.

На дворѣ раздался звонъ вѣчевого колокола, возвѣщавшій объ окончаніи урока.

— Ну, пойдете на верхъ, я познакомлю васъ съ товарищами. А послѣ уроковъ, пожалуйста, приходите ко мнѣ обѣдать, запросто, безъ церемоній, чѣмъ богать, тѣмъ и радъ.

Мы поднимались на верхъ, а толпа сорвавшихся школьниковъ неслась внизъ, на обширный училищный дворъ, чтобы воспользоваться и пятью минутами перемѣны: побѣгать, порѣзвиться, подышать свѣжимъ воздухомъ.

Какъ мнѣ все это нравилось! Хорошо!

Конечно, училищная обстановка не могла произвести на меня впечатлѣнія благопріятнаго, особенно послѣ Москвской: сильно пытертая ступени некрашеной лѣстницы; рваная клеенка и войлокъ на входной двери, ремонтируемой чаще всего домашними средствами; темная большая передняя, въ которой раздѣвались учителя и небольшая часть учениковъ

побогаче, у которыхъ была не только нижняя, но и верхняя одежда, большинство же сидѣло и въ классахъ въ тѣхъ же костюмахъ, въ какихъ бѣгало на улицѣ: въ поддевкахъ весною и осенью, въ полушубкахъ нагольныхъ и крытыхъ—зимою.

Всѣ преподаватели были налицо. Три класса одновременно требовали трехъ учителей, а всѣхъ ихъ пятеро, да въ приходскомъ училищѣ трое, и всѣ ежедневно собирались въ учительской: частныхъ уроковъ негдѣ было заполучить, а дома нечего было дѣлать, только женѣ мѣшать въ хозяйствѣ. Вотъ и собирались всѣ воедино въ совѣтскую комнату. Кому слѣдовало, тотъ шелъ на урокъ, а остальные усаживались около большого круглаго стола, бесѣдовали, читали газеты и журналы, свирѣпо критиковали дѣйствія начальства...

„Вѣдь столбовые все! Въ усъ никому не дуютъ!“—какъ говоритъ Фамусовъ въ „Горе отъ ума“.

Законоучителемъ былъ молодой приходскій священникъ, отецъ Дмитрій М. Интеллигентный, умный, веселый человекъ. Мы съ нимъ впоследствии сошлись очень близко; часто проводилъ я у него вечера за интересною бесѣдой. Нужно сказать, что мѣсяца за три, за четыре передъ моимъ прїѣздомъ уѣхалъ оттуда извѣстный литераторъ У., который занималъ должность учителя русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ. Въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ (первыхъ) встрѣчаются типы, выхваченные прямо изъ жизни Донца, какъ, на примѣръ, хозяинъ дома, въ которомъ жилъ У. Интересно передавалъ Дмитрій о томъ, какъ У. рассказывалъ ему о своемъ хозяинѣ, выгонявшемъ свиней, забравшихся подъ заднюю часть его дома.

— Животики, бывало, надорвешь! заключалъ Дмитрій свой рассказъ.

— И при этомъ, замѣть, самъ никогда не улыбнется.

Это-то понятно; плохо передается комическое публикѣ, если самъ чтець или рассказчикъ начинаетъ хохотать, или усиливается быть смѣшнымъ...

Дмитрій былъ въ общемъ очень умный и развитой попикъ, но полученное имъ семинарское образованіе пятидесятихъ годовъ, жизнь въ такомъ медвѣжьемъ углу, какъ Донецъ, не ахти какъ много дала ему новаго, свѣжаго, интереснаго... Само собою разумѣется, что рассказъ талантливаго У. производилъ на него сильное впечатлѣніе, отъ котораго, можетъ быть, ему всю его жизнь не пришлось отдѣлаться.

Да что тамъ У.! Даже миѣ не составляло никакого труда

зарядить Дмитрія самымъ развеселымъ смѣхомъ; ужь очень легко онъ поддавался этому.

Въ Москвѣ мнѣ часто приходилось видѣть новую еще въ то время пьесу „Свадьба Кречинскаго“. Кречинскаго игралъ Шумскій, Расплюева—Провъ Садовскій. Пьеса у меня была, и вотъ мы собрались какъ-то у Дмитрія, и сталъ я ее читать. Шумскій и Садовскій стояли передо мною, какъ живые; подражать имъ мнѣ не стоило особаго труда... Такъ не только Дмитрій, а всѣ учителя помирали со смѣху.

Очень естественно: кто нови не видалъ, тотъ и ветоши радъ.

Думается мнѣ, что ужь очень много было, что называется, непосредственнаго, неиспорченнаго въ этихъ хорошихъ людяхъ, много было воспріимчивости, а тутъ еще что-то новенькое, сильное... Ну, и смѣялись!

Смѣялись отъ души тому, что въ наше горькое время даже и на молодежь не производитъ надлежащаго впечатлѣнія. Теперь больше въ модѣ сало, грубая откровенная плоскость, рискованныя позы, а не острота. Вотъ всѣ и облысѣли раньше времени!

Въ городѣ было всего три церкви: соборный храмъ, кладбищенская церковь и одна приходская, гдѣ и настоятельствовавалъ нашъ от. Дмитрій. Такъ какъ городъ былъ очень малъ, то житье духовенства было бы скудно, если бы къ городскимъ церквамъ, въ томъ числѣ и къ собору, не было приписано по нѣскольку пригородныхъ деревень.

Наступилъ великій постъ. Все населеніе въ чистый понедѣльникъ „омылось банею водою“, намазывалось елеемъ, посыпало пепломъ главу, надѣло соответствующія времени маски и стало усердно посѣщать церковныя службы.

Великолѣпная погода, бѣгущіе съ горъ ручьи, божественный воздухъ, непролазная грязь—все это веселило сердца донцовъ, освободившихся отъ тяжелаго зимняго покрова.

Великій постъ, сверхъ ожиданія, промелькнулъ какъ-то удивительно скоро. Скоротали его, главнымъ образомъ, работа, которой я предался въ школѣ съ особеннымъ рвеніемъ: не хотѣлось на первый годъ ударить себя лицомъ въ грязь, вотъ и приналегъ и на себя и на ребятъ.

Подошла страстная недѣля. Думалъ было съѣздить въ Москву, къ матери, да разливъ рѣки помѣшалъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ и карманъ не позволялъ: проѣхать туда и обратно пятьсотъ верстъ—это не шутка. Вотъ я и остался. На страстной недѣлѣ я сталъ говѣть. Аккуратно посѣщалъ всѣ церковныя службы, а въ среду отправился на исповѣдь. Думалъ, думалъ,

кого избрать себѣ въ духовники, ничего не придумалъ. Рѣшилъ исповѣдываться у Дмитрія. Я всегда серьезно относился къ этому таинству, и потому человекъ, предъ которымъ я готовъ откровенно распахнуть свою душу, долженъ былъ высоко стоять въ моемъ понятіи. Это у меня осталось до сихъ поръ. Я не признаю исповѣди по обязанности, во что бы то ни стало, у своего приходскаго батюшки, мнѣ нуженъ духовный отецъ, а не батюшка. Вѣнчай меня, крести, миропомазуй, хорони—кто угодно, мнѣ все равно; но на исповѣдь и къ святому причастію я пойду только къ такому, къ которому я расположенъ и душою и сердцемъ. Въ этомъ я всегда былъ свободенъ отъ всякаго поста; я лучше пойду на исповѣдь къ іеромонаху, что и дѣлаю до сего времени.

Выбравши Дмитрія въ свои духовные отцы, я въ среду явился къ вечернѣ, отстоялъ ее, принесъ по московскому обычаю свѣчку, — „даръ алтарю“ —, и сталъ ожидать своей очереди. Когда очередь подошла, я пошелъ за занавѣску, перекрестился, положилъ земной поклонъ и, наклонивъ голову, смиренно подхожу къ батюшкѣ.

Проходитъ полминуты, онъ молчитъ... Я стою... Проходитъ минута—онъ все молчитъ... Вглядываюсь въ его эпитрахиль,—она что-то шевелится... А Дмитрій все молчитъ. Я тихо поднимаю голову, исподлобья взглядываюсь въ него и вижу, голова его отвернулаеъ въ сторону, а уста свои онъ прикрылъ всею пятерней; онъ едва-едва удерживался отъ смѣха.

Чему онъ смѣялся—для меня была загадка.

— Уйди ты, ради Бога, отъ грѣха дальше! вдругъ слышу его тихій голосъ.

Удивленно я посмотрѣлъ на него, пожалъ плечами и пошелъ несолоно хлебавши...

Послѣ-то онъ мнѣ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Входишь ты ко мнѣ, лицо постное, а мнѣ (надо же такому грѣху случиться), и вступи въ голову твой Расплюевъ! Такъ вотъ и стучить въ ней: „Ну, разъ ударь! Другой—ударь! Удовольствуй себя, да и отстань! А вѣдь это... что же... до безчувствія“.

Ну, смѣхъ меня и заразилъ...

Такъ и лопнуло мое говѣнье.

XV.

Теперь долженъ сказать нѣсколько словъ о своемъ училищѣ. Это была громадная комната, настолько большая, что въ ней

могли помѣщаться сто сорокъ два ученика. Вы можете по этому уже судить, что за анаемскія были условія, при которыхъ мнѣ приходилось начать работу: учебныхъ пособій никакихъ, холодъ страшный, углы промерзли, ребята сидятъ въ полушубкахъ, у кого они были; а на ребенка изъ бѣдной семьи (а такихъ было громадное большинство) такъ ужасъ было смотрѣть: весь заоченѣть, руки, какъ гусинья лапы—красныя, растрескавшіяся, подъ носомъ скоро получится сосулька...

Одна только жалость!

Я былъ не одинъ; у меня имѣлся помощникъ, второй соборный діаконъ. И вотъ въ одной комнатѣ идетъ у насъ общая работа: онъ велъ младшее отдѣленіе, а я—старшее и среднее. При такихъ условіяхъ волей—неволей приходилось вмѣсто школы устраивать какой-то еврейскій шабашъ.

Да, не въ авантажѣ обрѣлъ я поле своей дѣятельности.

Какой тамъ авантажъ, если учителю всю зиму приходилось работать въ тепломъ пальто и въ теплыхъ калошахъ.

Рѣшилъ объ этомъ поговорить и съ штатнымъ смотрителемъ и съ городскимъ головой.

Одно только утѣшеніе нашелъ я для себя въ классѣ—громадный библиотечный шкафъ; онъ прежде всего обратилъ на себя мое вниманіе. Каждую перемѣну, каждую свободную минуту я подходилъ къ этому шкафу, рылся въ немъ и намѣчалъ себѣ книги для чтенія. Библиотека состояла главнымъ образомъ изъ періодическихъ изданій, которыя, вѣроятно, выписывались на казенныя деньги. Я встрѣтилъ тамъ журналы самаго либеральнѣйшаго направленія того времени. „Современникъ“, „Русское Слово“, „Отечественныя записки“, и др. Очевидно, въ шестидесятыхъ годахъ не особенно боялись заразы, не то, что теперь.

Библиотека эта захватила меня цѣликомъ. Писаревъ, Благовѣщенскій, Благосвѣтловъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Зайцевъ—всѣхъ я ихъ перечиталъ и, представьте, они не увлекли меня за собою. Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ Писарева, его ядовитый, острый языкъ мнѣ очень нравился: его умѣнье издѣваться, какъ, напримѣръ, надъ Ключниковымъ и его романомъ „Марево“, и ему подобными писателями, доставило мнѣ много веселыхъ минутъ. Но я, конечно, очень хорошо понималъ, что это происходила казнь человѣка противоположнаго лагеря.

Возмутилъ меня писаревскій разборъ Пушкинскаго „Онѣгина“. Какъ ни старался Писаревъ свалить генія съ пьедестала, нѣтъ, не могъ, даже въ моихъ глазахъ—восемнадцатилѣтняго маль-

чика. Мнѣ думалось такъ: Писареву было не на чемъ воспитать свой умъ, вкусъ, развить свои знанія.

Писаревъ, какъ ни-какъ, а пользовался наслѣдіемъ того же Пушкина, того же Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго... Былъ ли бы Писаревъ—Писаревымъ, если бъ не было этихъ господъ. Это еще большой вопросъ! А вотъ эти-то господа чѣмъ могли воспользоваться? Какое имъ-то попало наслѣдство?

Нѣтъ, время и обстоятельства слѣдовало бы принять во вниманіе, если, конечно, есть желаніе быть критикомъ безпристрастнымъ...

На другой день моей службы сослуживцы мои заговорили со мной, между прочимъ, о квартирѣ. Рекомендовали мнѣ холостецкую квартиру у Натальи Ивановны „съ большими удобствами“, какъ, смѣясь, говорили они, и сходной по цѣнѣ. Для меня самое цѣнное удобство заключалось въ томъ, что домикъ Натальи Ивановны былъ противъ училища. Это дѣйствительно большое удобство, принявъ во вниманіе непролазную грязь во всемъ городѣ и весной и осенью, и непролазный снѣгъ зимою.

Окончилъ я свои уроки и пошелъ къ Натальѣ Ивановнѣ. Домикъ ея деревянный, въ пять оконъ, стоялъ на углу большой улицы и пустыря. Квартира эта такъ и считалась учительской. Передо мною жилъ долгое время Б., но поженился и зажилъ своимъ домкомъ.

Я не понималъ еще въ то время выраженія „съ большими удобствами для холостяковъ“ и не придавалъ ему какого-либо особеннаго значенія, но послѣ-то понялъ...

Черезъ калитку я вошелъ на небольшой дворикъ; обошелъ домъ и направо въ углу увидалъ входную дверь, безъ крыльца, съ однимъ невысокимъ порошкомъ.

Я вошелъ въ кухню. Хозяинъ, малый лѣтъ 32, высокій, черный, худой,—былъ кровельщикъ; лѣтомъ ѣздилъ по деревнямъ накладывать желѣзные крыши на церквахъ и помѣщичьихъ домахъ, а зимой занимался луженьемъ самоваровъ, кастрюль и разными желѣзными подѣлками: самоварныхъ трубъ, терокъ и т. п. домашнихъ вещей. И тутъ я засталъ его за работой, отъ которой стоялъ страшный шумъ, слышавшійся даже на улицѣ.

Около русской печки стояла молодая, лѣтъ 26 женщина, въ русской наколкѣ, въ неособенно опрятномъ ситцевомъ платьѣ, бокъ юбки котораго былъ заткнутъ за поясомъ, отчего изъ подъ платья виднѣлось довольно большое бѣлое пятно нижняго бѣлья. Около нея вертѣлась бѣлобрысая дѣвочка лѣтъ четырехъ.

Увидѣвъ меня, она оттолкнула ребенка опустила подпернутый край платья и съ улыбкою на широкомъ разругавшемся отъ печки лицѣ, затараторила мелкою пѣвучей мѣщанскою дробью.

— Что вамъ будетъ угодно?

Только тутъ хозяинъ бросилъ свою стукотню, изъ-за которой не слыхалъ, какъ я вошелъ, и обернулся къ намъ, когда раздался голосъ его супруги.

Я сказалъ, что мнѣ было нужно.

— А! пожалуйста, пожалуйста! привѣтливо заговорилъ хозяинъ.

— Юша! покажи фатеру, а я поставлю самоваръ.

Мы вошли съ саженымъ Юшей въ переднюю. Я невольно обратилъ вниманіе на длинныя сухопарыя руки Юши, съ напряженными жилами, длинными корявыми пальцами, и подумалъ: „вотъ дастъ раза-то, такъ прощай, мамаша“!

Комнату, куда мы вошли, называли переднею, но она же была и столовою: небольшая, узкая комнатка, съ лежанкою и однимъ окномъ, выходившимъ на дворъ.

Изъ этой комнаты вели еще двѣ двери: одна—въ ихъ спальню, а другая—въ залъ, а изъ зала налѣво, рядомъ съ кухней, была маленькая въ одно окошко комнатка, которая и предназначалась для жильца.

Пока мы осматривали квартиру, самоваръ уже поспѣлъ и хозяйка гремѣла чайною посудой, то и дѣло вбѣгая къ намъ то за тѣмъ, то за другимъ...

Успѣлись за чаепитіемъ и повели бесѣду. Затѣмъ перешли къ условіямъ жизни и торгу. Оказывается, что они потребовали съ меня семь руб. пятьдесятъ коп. въ мѣсяцъ за комнату, съ правомъ пользоваться заломъ, когда придутъ ко мнѣ гости, со стиркою бѣлья, обѣдомъ и ужиномъ; самоваровъ сколько хочешь, чай—сахаръ свой.

Выходило дешевле пареной рѣпы. И это назначилъ хозяинъ, который вовсе не намѣренъ былъ оказывать мнѣ какія-либо милости.

Вотъ вы и подумайте, какое золотое время было, увы, безвозвратно минувшее...

По подсчету у меня отъ жалованья оставалось слишкомъ четыре рубля въ мѣсяцъ.

Ничего, еще жить можно.

Въ этотъ же вечеръ я оставилъ постоялый дворъ и занялъ свою собственную квартиру. Сходилъ и купилъ столовую семи-

линейную лампочку съ зеленымъ абажуромъ, маленькій чайникъ, два стакана и два блюдечка, устроилъ себѣ что-то въ родѣ письменнаго стола, оправилъ постель и долго любовался своимъ логовомъ. Такъ какъ окно выходило на большую улицу, то хозяйка притащила коленкорovou бѣлую занавѣску и прикрѣпила ее къ окну.

Ну, будуаръ модной красавицы получился, да и только!

На другомъ углу пустыря стоялъ каменный одноэтажный домикъ и при немъ мелочная лавка. И домъ, и лавка принадлежали отцу моей хозяйки, которая успѣла сбѣгать къ нимъ и позвала къ себѣ смотрѣть новаго жильца.

И дѣйствительно, къ вечеру набралось ихъ полная изба.

Когда я вернулся съ своими покупками, то засталъ въ квартирѣ страшный гомонъ: явились къ намъ папаша, маленькій плотненькій мѣщанинъ, ни на минуту не выпускавшій изъ рта трубки-носогрѣйки, набитой ужаснѣйшею махоркой, отъ которой онъ ежеминутно отплевывается; его супруга, совершенно испарившаяся въ настоящее время изъ моей памяти; дочь—невѣста, Таня, что называется рѣпа (на ихъ жаргонѣ), а не дѣвка: кражистая, здоровенная, съ лицомъ, осыпаннымъ веснушками, спина въ три четверти, а росту меньше двухъ аршинъ,— да три, или четыре парня въ возрастѣ отъ 16 до 7 лѣтъ.

Прежде всего при входѣ меня сшибъ съ ногъ смѣшанный запахъ махорки и дегтя, которымъ по сему особому случаю смазаны сапоги гостей.

Однимъ словомъ—Брокаръ, или Сіу!

Чтобы имъ пусто было! Убили.

Такъ какъ въ мою комнату тоже была дверь изъ кухни, то, понятно, я былъ очень радъ, что мнѣ не пришлось пролѣзть эту гущу.

Вошелъ, раздѣлся, зажегъ свою лампу и приготовился что-то дѣлать.

— Сергѣй Григорьевичъ! пожалуйста чай кушать! отворяя ко мнѣ дверь изъ залы, пригласила хозяйка.

— Благодарю васъ; сейчасъ приду.

Чувствуя, что отъ нихъ не скоро придется отдѣлаться, я изъ экономіи потушилъ лампу, сложилъ ученическія тетрадки и пошелъ къ нимъ.

Вся семья разсѣлась около стѣнокъ на самодѣльныхъ стульяхъ, окрашенныхъ свѣтложелтою краской, съ волосяными сидѣньями. Хозяйка моя съ матерью усѣлась на диванѣ и разливала чай; хозяинъ съ тестемъ около окна, а у другого оставили мѣсто

мнѣ. Какой-то изъ братцевъ порывался было занять это мѣстечко, да его погнажи: мѣсто удобное и предназначенное для гостя почетнаго, каковымъ въ данномъ случаѣ былъ я.

Вошелъ, честь честью со всѣми повдоровался за ручку, а мальцовъ просто погладилъ по головамъ, хотя они тоже, какъ видно, бывали въ обществѣ, и полѣзли было ко мнѣ съ протянутой пятерней; но я былъ слѣпъ и отлично обошелся безъ этихъ нѣжностей.

Начался общій разговоръ. Такъ мало интересовалъ меня этотъ разговоръ, что я рѣшительно изъ него ничего не помню. Мое дѣло было прислушиваться да понимать, если возможно это. Говорили сразу въ три—четыре голоса.

Чай налили всѣмъ въ чашки, сахаръ поставили на столѣ—пользуйся; тутъ же были и баранки, или, по-тамошнему, кателки. Я взялъ одну изъ нихъ и съ удовольствіемъ съѣлъ. Она была чрезвычайно вкусна, но вкуса совершенно иного, чѣмъ московскія баранки того времени.

Всѣ занялись чаепитіемъ. По всей комнатѣ то и знай раздается грызеніе сахара, подуваніе на чай, стукъ чашкою о блюдечко. Довольно большой самоваръ хозяйка бѣгала подогрѣвать раза два. За это время они успѣли разузнать про меня всю подноготную: гдѣ жилъ, учился, есть ли родители и родня, сколько мнѣ лѣтъ и пр. пр.

И зачѣмъ это было имъ нужно знать—Господь ихъ вѣдаетъ: сейчасъ видно, что дѣлать имъ нечего и весь интересъ ихъ въ данную минуту сосредоточивался исключительно на мнѣ.

Иванъ Ермолаичъ такъ испортилъ воздухъ своею махоркой, что у меня не на шутку начала разбалчиваться голова; терпѣніе мое истощалось; я не могъ дожидаться, когда, наконецъ, окончится этотъ *soirée* безъ танцевъ, но съ запахомъ ассенизаціоннаго обоза...

Слышу, бьетъ восемь часовъ; хозяйка перемыкаетъ посуду; одинъ малый зѣваетъ во всю ивановскую; глядя на него и мамаша стала поводить рукой около своихъ прекрасныхъ устъ; очевидно, подходилъ часъ ко сну отходящу.

— Митюнька, будетъ зѣвать-то, ты бы орѣшковъ погрызь! слышу голосъ хозяйки, али бы мятныхъ пряничковъ пожевалъ...

А Митюнька хоть бы тебѣ что! ему не до вѣды: глаза, какъ у соннаго судака; волосы спутались; голова оперлась на руку... ничего малый не понимаетъ.

— Нѣтъ, видно, въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Собирайтесь-ка домой спать! рѣшилъ Ермолаичъ, и всѣ поднялись.

Сейчасъ видно умнаго-то человѣка!

Наконецъ-то, убрались. Хозяинъ пошелъ провожать гостей за калитку, хозяйка продолжала убирать посуду, а я первое дѣло сталъ искать форточку. Ни одной, какъ на грѣхъ!

— Тяжеленекъ табачокъ-то курить Иванъ Ермолаичъ. Не позволите ли, Наталья Ивановна, дверь на полчаса отворить?

— Сейчасъ, сейчасъ! Да, ужъ... Папашенька какъ придетъ, всегда угару напуститъ.

Ужъ и дѣйствительно угару. Въ пору всѣ трубы открывать.

Всѣ двери Наталья Ивановна отворила настежь и принялась чайнымъ полотенцемъ изгонять нечистый духъ родителя.

Только поэтому и живъ остался; а то, представьте: перегородки до верху не доходятъ, форточки ни одной: умрешь насильственной смертью и убійцы не найдутъ.

Это какой-то пособникъ Екатерины Медичи по части спроваживанія на тотъ свѣтъ, знаменитый Рэне-флорентинецъ.

Собрались ужинать: подали горячее; чувствую ничего, ѣсть еще можно; затѣмъ несетъ хозяйка жареную картошку, опять ничего; даже хороша, ибо картошку и гречневую кашу я люблю.

Поѣли и на боковую.

Работать я не особенно много сегодня работалъ, а усталъ; очень усталъ. Завтра праздникъ, надо побывать съ визитомъ у городского головы.

XVI.

Дѣятели городскіе были народъ темный, дикари, но условно съ хорошими, отзывчивыми сердцами; конечно, въ областяхъ болѣе доступныхъ ихъ пониманію. Пріѣхавъ на службу городу, само собою разумѣется, я первымъ долгомъ счелъ явиться къ городскому головѣ.

Лордъ-меръ жилъ въ собственномъ большомъ одноэтажномъ деревянномъ домѣ. Если замоскворѣцкіе типы, портреты которыхъ оставилъ намъ Островскій, еще доживали послѣдніе свои денечки въ Таганкѣ, да на Полянкѣ, да на Вшивой горкѣ (какъ тогда называли москвичи эту горку), то встрѣтить такой типъ въ Донцѣ, конечно, было немудрено. Правда, не такъ рѣзко выраженный, какъ у Островскаго, но все-таки было видно, что яблочко отъ яблоньки пало недалеко.

Въ первое же воскресенье послѣ обѣдни иду къ нему. Крыльца на улицу не имѣлось; оно по старинишкѣ было во дворѣ. Отворилъ калитку, а войти боюсь. Невдалекѣ отъ ка-

литки стояла канура, а изъ нея ласковыми глазами смотрѣлъ на меня громадный цѣпной песъ. Смотрить на меня и не шелохнется.

На дворѣ—ни души. Не знаю, что дѣлать. Войти боюсь: порядочныя брюки только однѣ есть, и тѣхъ можно лишиться.

Захлопнулъ калитку и пошелъ бродить подь окнами: авось, кого-нибудь увижу.

И дѣйствительно, въ одномъ окнѣ виднѣется праздничная фигура. Слышу сквозь затворенную раму зычный голосъ:

— Вы ко мнѣ что ль?

— Къ вамъ.

Махнулъ онъ рукой по направленію къ калиткѣ, и вслѣдъ затѣмъ слышу:

— Василиса!.. Али кто тамъ—пустите гостя!

Когда я опять отворилъ калитку, то съ крыльца спускалась женщина среднихъ лѣтъ, въ сарафанѣ и бѣлой коленкоровой рубахѣ съ широкими рукавами, въ большомъ черномъ платкѣ на головѣ.

— Иди, родимый, иди!

— А собака не тронетъ?

— Ну, гдѣ тамъ: ей умирать пора! она мнѣ ровесница.

Я прошелъ дворъ и поднялся на крыльцо. Въ передней осадилъ меня несшійся изъ кухни запахъ жаренаго лука и раздражалъ мое обоняніе.

Въ дверяхъ залы стоялъ самъ голова, очень богатый, какъ тогда говорили, купецъ-кожевникъ Осовъ.

— Милости просимъ, милости просилъ! привѣтствовалъ онъ меня.

— Вотъ счелъ долгомъ побывать у васъ, представиться да поговорить объ училищѣ.

— Ну, что-жь... давай поговоримъ; кстати и пирогъ готовъ... закусимъ и поговоримъ.

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

